

ИДЕОЛОГИЯ КРАЙНИХ РОЯЛИСТОВ

Е. П. Пискунова

Движение роялистов ведет свое начало с 1789 г., когда возникает первое недовольство происходящими во Франции переменами. Со временем оно расширяется, охватывает все большее число представителей дворянства и части буржуазии. Одновременно выявляются разногласия среди этих людей, имеющих общую цель — восстановление королевской власти во Франции, но допускавших эту власть в различных пределах и стремящихся добиться ее разными средствами.

Истоки этих разногласий можно увидеть еще до революции. В социально-классовом отношении французское дворянство не было однородным. Существенные различия имелись между родовитыми и неродовитыми дворянами, титулованными и нетитулованными, между столичным и провинциальным дворянством, а в провинции — между городским и сельским.

Наряду с либеральным дворянством, осознающим необходимость реформ, внутри дворянства существовали и крайне консервативные группы. Это, прежде всего, малочисленная, но чрезвычайно влиятельная придворная группировка, заинтересованная лишь в сохранении своей власти и приумножении собственных доходов, а потому не желавшая никаких изменений и нововведений в существующей политической системе.

Консервативной была также та часть дворянства, доходы которой зависели главным образом от сбора феодальных повинностей. Это была значительная группа, очень неоднородная по своему имущественному положению. К ней в первую очередь относилась беднеющая часть родовитого дворянства. Недовольная тем влиянием, которое приобретают богатые аnobлированные торговцы и финансисты, постоянно упоминающая свое бывшее могущество, эта группа также критиковала существующее положение, но мечтала не о новом, а о старом, о возвращении прежней власти феодалов, о возможности влиять на королевскую власть для достижения своих интересов.

В зависимости от своего отношения к революции роялисты разделились на «умерен-

ных» и «крайних». Умеренные роялисты признавали значение происходящих с 1789 г. во Франции событий и прогрессивность первых революционных завоеваний, понимая, что полный возврат к старой системе невозможен. Поэтому будущую Францию они видели конституционной монархией.

Крайние роялисты образуют одно из основных течений роялистского движения, представители которого выступают за полную реставрацию старого режима, имея в виду восстановление абсолютной монархии, трех сословий, феодальных привилегий и возвращение собственности без какой-либо компенсации новым владельцам. Их идеология берет свое начало в выступлениях правых депутатов Учредительного собрания, среди которых особенно выделяются аббат Ж.-С. Мори, граф Л.-Э. д'Антрег и Ж.-А. Казалес. В дебатах по вопросу о конституции их позиция была непреклонной. Конституция должна как можно полнее закрепить существующий порядок вещей; изменения и нововведения возможны лишь в небольших дозах и не могут затрагивать основные начала государственного устройства.

Ж.-С. Мори, депутат от первого сословия, был главным оратором крайне правых в Учредительном собрании. Он отстаивал абсолютную монархию с Генеральными штатами, собирающимися на короткий срок каждые пять лет и ограничивающими свою деятельность лишь голосованием налогов. Он выступал также за абсолютное вето короля и был настроен враждебно по отношению ко всем глубоким реформам. Аббат Мори соглашался только с отменой налоговых привилегий, но был категорически против отмены сеньориальных прав¹. Эмигрировав в 1791 г., он продолжал развивать свои идеи в многочисленных брошюрах и посланиях, став видным теоретиком контрреволюции.

Другому депутату правого крыла, графу Л.-Э. д'Антрегу, со временем суждено было стать одним из наиболее известных деятелей роялистской партии. В августе 1789 г. он одобрял статью «Декларации прав человека и гражданина», которая гарантировала право соб-

ственности. Он видел в этом залог социального порядка. На необходимости защищать собственность он настаивал затем всегда. Взяв у Ж.-Ж. Руссо положение о том, что демократия подходит для маленьких республик, но не для больших стран, д'Антрег развивал эту идею в своих речах и памфлетах. «Покой для великого народа только в монархии, потому что она одна является единством действия и воли», — утверждал он и много лет спустя². Он не скрывал своей симпатии к Англии и английским законам, но подчеркивал, что форма правления, приемлемая для одной страны, не подходит для другой. «Престолы основываются посредством закона. Закон основывается через принципы, так как всякий закон, который не поддержан принципами нации, есть только иллюзия и обрушивается как здания без фундамента, возводимые на столе»³. Традиции Франции, считает д'Антрег, требуют не просто монархии, а монархии абсолютной, а такая форма правления сама по себе не может допускать глубоких политических изменений. Он не являлся сторонником полного сохранения старого режима, но настаивал на сохранении сословий и сословных привилегий. Реформы, которые он допускал, должны были, по его мнению, служить в первую очередь укреплению королевской власти.

Оказавшись в эмиграции, граф д'Антрег принимает самое активное участие в борьбе с революцией. Он является непримиримым противником любого компромисса с республиканцами и умеренными роялистами. Д'Антрег отстаивает свою тактику борьбы, в основе которой лежит тайная деятельность на территории Франции. Вскоре он становится главой контрреволюционной разведки, руководя сетью многочисленных агентов внутри страны и доставляя французским принцам и европейским державам чрезвычайно важную информацию о планах республиканского правительства, а позже — правительства Наполеона.

Если крайние роялисты и допускали создание конституции, то предлагали закрепить в ней тот порядок, который существовал во Франции до 1789 г., с незначительными изменениями. Нагляднее всего их позиция представлена в проекте Ж.-А. Казалеса, продолжавшего и в эмиграции отстаивать свои идеи⁴. Казалес не отрицает, что созыв Генеральных штатов и работа Учредительного собрания необходимы. Но для него роль Собрания состояла в том, чтобы отредактировать и написать конституцию королевства

такой, какой она существовала, а не в том, чтобы создавать проекты, отменяющие старинные институты. Надо письменно закрепить старинные обычаи и старинные привычки, а не модные философские принципы. Казалес считает, что конституция должна допускать Генеральные штаты, но с тремя различными сословиями, раздельным голосованием и обсуждением всех дел вместе с королем. Такая конституция станет надежной гарантией против любой революции. Именно потому, что проект, принятый в 1791 г., нарушил старинные основные права, допустив множество нововведений, во Франции стали возможны падение королевской власти, казнь короля, террор. В будущем необходимо избежать подобной ошибки.

Силой, которая способна обеспечить стабильность в государстве, по мнению Казалеса, является дворянство. Он считал, что дворянство было и должно оставаться первым сословием нации. Оно призвано вести за собой народ, а также сдерживать его в границах существующей политической системы. В некоторых своих работах Казалес признавал верховную власть народа, но не верховную власть Собрания. Один народ может сломить королевскую волю, но для этого он должен выступить весь разом и единогласно, что явно неосуществимо. Авторитет короля основан на восьми столетиях непрерывного существования монархии, поэтому он и превосходит авторитет Собрания.

Казалес допускал некоторое разделение законодательной и исполнительной власти, но исполнительная власть должна, по его мнению, обладать частью законодательной. Исполнительная власть обладает также властью судебной. Казалес отрицательно относился к независимости судебной власти. Он считал также, что все судьи должны быть назначаемы королем, а не избираемы⁵.

Пламенные речи защитников абсолютной монархии в Учредительном собрании не имели успеха. Конституция 1791 г. для них оказалась радикальной. Бывшие депутаты пополняют ряды эмигрантов, но их встречают не с сочувствием и пониманием, а с недоверием и упреками. Переполненные ненавистью ко всем, кто не разделяет их убеждений, с подозрением относящиеся даже к своим сторонникам, крайние роялисты пытались осмыслить происходящие события, искали способы борьбы с революцией, составляли программы и прокламации. Но в многочисленных, чаще всего анонимных, «Размыш-

лениях...», «Рассуждениях...», «Мыслях...» и «Письмах...» не так уж много действительно серьезных размышлений и глубоких мыслей. Основные положения этих брошюр, как правило, повторяют друг друга и не отличаются оригинальностью. Общей для всех является идея, что революция — это зло, с которым необходимо бороться; в ней нет и не может быть никаких положительных моментов.

В объяснении причин революции они отличаются некоторым разнообразием, но найти истинные причины для них слишком сложно. Они видят лишь то, что лежит на поверхности. Одни считают, что революция была следствием слабости правительства: Людовик XVI был слишком добр и мягок, его министры также боялись прибегнуть к строгим мерам. Другие видят причину в расстройстве финансов или обвиняют во всем Неккера, честолюбие и тщеславие которого привели к столь роковым последствиям. Не меньше винят герцога Орлеанского, стремившегося к власти, а все революционные события, таким образом, являются следствием составленного им заговора. Обвиняют и Лафайета, пытавшегося перенести во Францию почерпнутые им в Америке идеи. От злой воли отдельных лиц переходят к деятельности тайных организаций. В этом случае революцию во Франции подготовили и совершили франкмасоны, раскинувшие сеть своих учреждений по всей Европе, стремясь к осуществлению своей главной цели — созданию всемирной республики.

Один из наиболее талантливых представителей крайних роялистов писатель и публицист Габриэль Сенак де Мейян пытался найти причину революции более далеко, в эпохе Людовика XV⁶. Поведение короля, пренебрежительное отношение к древним законам, подавление парламентов, невнимательное отношение короля к делам — вот что, по его мнению, вызвало недовольство в обществе и в конечном итоге привело к перевороту при Людовике XVI. Далее в числе причин, приведших к революции, он называет учреждение провинциальных штатов, реформу в армии, создавшую в ее среде недовольных, американскую войну и участие в ней французских добровольцев, заразившихся духом свободомыслия, деятельность Неккера, созыв нотаблей и беспорядок в финансах⁷.

Различие во взглядах республиканцев, борьба партий, дальнейшее развитие революции были также плохо поняты крайними роялистами, как и предшествующие события.

Не обращая внимания на происходящие в стране изменения, они были твердо уверены, что преодолеть все бедствия можно только полным возвратом к старому порядку. Дворянство и духовенство должны быть восстановлены во всех своих древних правах и привилегиях. Только они могут быть представителями нации и распоряжаться ее судьбой. Нельзя было допускать в Генеральные штаты третье сословие, и в будущем его необходимо исключить из участия в политической жизни.

Дворяне являются основателями монархии, главной опорой трона. Они создавали и укрепляли Францию, и их привилегии были справедливо заслуженной наградой, которую необходимо вернуть. Церковь гарантирует порядок и подчинение. Для выполнения ее важных обязанностей ей также необходимы привилегии и собственность. Все отнятые у дворянства и духовенства земли должны быть возвращены. О какой-либо компенсации новым владельцам не может быть и речи. Они знали, что приобретают чужое имущество, и поэтому не имеют права высказывать недовольство⁸.

Все участники революции должны понести наказание. Видный роялистский публицист Антуан Ферран в брошюре «Восстановление французской монархии» заявлял, что нет середины между роялистами и республиканцами. Он непримирим ко всем, кто стремится хоть в малейшей степени ограничить власть короля. Любые сторонники конституции, даже те, кто выступает за сильную королевскую власть, являются бунтовщиками, с которыми не может быть никаких соглашений⁹.

«Без всякого внимания к эволюции взглядов, к духу века, к влиянию капиталов, к тем изменениям, которые произошли в социальной иерархии, — замечает видный деятель роялистского движения, идеолог умеренного направления Ж. Малле дю Пан, — они предприняли попытку вернуть Францию к XII веку или, что того хуже, восстановить солидный дворец своих предков из пыли старого режима»¹⁰.

Для этой группы единственным средством вернуть монархию Бурбонов была вооруженная борьба. Главные надежды возлагались на коалицию иностранных держав, которая должна была осуществить интервенцию на территорию страны.

Со временем внутри этого течения, поначалу объединявшего, казалось бы, одинаково думающих и чувствующих людей, по-

является все больше оттенков и различий. Прежде всего, крайние роялисты начинают разделяться на приверженцев династии Бурбонов, только за ней признающих право на французский престол, и сторонников самой идеи абсолютной монархии, ставящих верность принципам выше верности конкретным лицам и поэтому готовых принять в качестве абсолютного монарха представителя любой другой династии, если только он сумеет воплотить в жизнь их мечту о сильной королевской власти.

Вторым различием становится их деление на активных и пассивных. Одни, подобно Л. д'Андинье, Ж.-Ж. Гиду де Невиллю, Л. Бурмону, А.-В. Арно, готовы до конца сражаться за свои идеалы¹¹. Они поступают рядовыми в армию Конде, принимают участие в английской военной экспедиции к полуострову Киберон, сражаются в восставшей Вандее, всюду проявляя мужество и энергию. Другие полны или скептицизма, или усталости. Они больше не верят в возможность реставрации силой оружия, разочаровавшись в этом методе борьбы. Они предпочитают спокойно жить в Лондоне, Гамбурге или Петербурге в ожидании благоприятных обстоятельств, которые позволят им вернуться на родину.

Ярким представителем этого типа крайних роялистов является Ф.-Р. Шатобриан. На протяжении всей своей жизни он оставался убежденным монархистом и аристократом, называвшим себя «последним свидетелем феодальных нравов»¹². Революцию он встретил враждебно и в 1790 г. эмигрировал. Он уезжает в Америку и здесь получает известие о неудавшемся бегстве короля, которое произвело на него сильное впечатление. Он немедленно возвращается в Европу и вступает в армию принцев, хотя и сомневается в возможности победы.

В 1793 г. после распада армии он уезжает в Лондон, где, как и большинство эмигрантов, живет, испытывая сильную материальную нужду. «Кроме моего личного горя, я должен был еще нести тяжелое бремя общего изгнания. Сотоварищи мои в Лондоне, все нашли себе занятие: одни торговали углем, другие плели соломенные шляпы, третьи учили французскому языку, которого, впрочем, сами не знали. <...> Все победы республики обращались в поражения, и если кто, сверх чаяния, сомневался в близости реставрации, того звали якобинцем»¹³.

В Лондоне Шатобриан пишет свою первую книгу «Опыт о революциях», пытаясь

осмыслить то, что произошло с ним и его страной. Он проводит параллели между античными и новейшими революциями. По его мнению, революцию всегда начинает знать, которая стремится отнять власть у монарха, но тем самым пробуждает стремление к власти у народа. Во Франции самые сильные удары, нанесенные старинным устоям, исходили от дворянства; патриции начали революцию, плебеи ее закончили. Но французы, считает Шатобриан, лишь пародировали древних, причем заимствовали у них одни только пороки. Человек стремится добиться совершенного правительства, в то время как сам остается несовершенным. Пытаясь изменить существующий порядок вещей, волнуясь из-за пустой системы, он понапрасну растрчивает собственные силы и бесполезно проводит жизнь. «Вместо разжигания социальной вражды наблюдай мирные зарождения, сладкие симпатии и любовь самого очаровательного царства природы. Тогда ты будешь знать только наслаждения. В истории нет ничего нового, все повторяется. Человек, раз сознавший это, потеряет вкус к нововведениям. Перестанем же жить химерами, перестанем волноваться из-за своих человеческих учреждений, какого бы рода они ни были. Только в нравственном совершенствовании наша задача. Ведь пока мы волнуемся, время летит, и могила неожиданно похищает нас»¹⁴.

По мнению Шатобриана, человек, вместо того чтобы искать внешнюю свободу, которой никогда не возможно достичь, должен стремиться к свободе внутренней, нравственному совершенствованию. Поэтому любые революции не только бесполезны, но и вредны, поскольку направляют человека на ложный путь. Необходимо изолировать себя от окружающего мира, уйти в науку, религию или поэзию.

Вышедшая в 1797 г. работа Шатобриана, по его словам, «наделала довольно шума между эмигрантами»¹⁵. Его критиковали и осуждали, но было немало и тех, кто принял его сторону. Шатобриану удалось опозитизировать и идеализировать стремление роялистов к восстановлению старого порядка. Старые замки и храмы полны для него поэзии и красоты, а вместе с ними все более прекрасными кажутся и старый порядок, и старый общественный строй. Его творчество проникнуто тоской и скорбью по утраченному прошлому, которое все больше превращается в недостижимый идеал. Шатобриан никогда не расставался с тем, что он назы-

вал «правильными монархическими идеями», и считал своим долгом хранить верность Бурбонам, но вместе с тем он «начал посматривать в ту сторону, где лежит моя родина»¹⁶. То же самое делали и большинство эмигрантов, живущих рядом с ним.

К 1799 г. только наиболее непримиримая группа крайних роялистов считала необходимым продолжать активную вооруженную борьбу. Большая часть сторонников абсолютизма, независимо от того, оставались ли они приверженцами Бурбонов или разочаровались в возможностях этой династии вернуть французский престол, считала необходимым смириться и пассивно следовать за ходом событий, продолжая, однако, надеяться на возвращение старого порядка в близком или далеком будущем.

Организовать интервенцию и с помощью иностранных держав восстановить порядок во Франции — таким был основной план действий роялистов на начальном этапе эмиграции. Успехи революционной армии и неудачи коалиции способствовали разочарованию в этом методе борьбы. Неудачей заканчивались и попытки поднять восстание внутри страны. Вандейская война, достигшая наибольшего подъема в марте — декабре 1793 г., к 1799 г. еще не была окончательно потушена, но уже не могла достигнуть масштаба прошлых лет.

Кроме того, часть эмигрантов продолжал мучить вопрос о допустимости борьбы против своей родины в рядах чужой армии. Они стремились найти оправдание в том, что их родины уже не существует, поскольку без короля и дворянства нет отечества, но для большинства этот довод все же не был достаточно убедительным. Все чаще возникали мысли, что реставрация монархии должна быть осуществлена каким-то другим путем. В 1796 г. была опубликована работа, в которой эти идеи нашли наиболее стройное и законченное выражение. Работа называлась «Размышления о Франции» и вышла в свет без имени автора, однако очень быстро стало известно, что им является савойский эмигрант граф де Местр.

Граф Жозеф де Местр родился в 1753 г. в савойском городе Шамбери. Окончив в 1774 г. Туринский университет по отделению права, он начинает службу в судебном ведомстве в Шамбери. Воспитателями де Местра были иезуиты, оказавшие на него глубокое влияние. Впоследствии он любил говорить, что только благодаря им он не сделал

ся оратором Учредительного собрания. В юности, как и многих, его увлекали произведения Ж.-Ж. Руссо. Идеалы просветителей, в конечном счете, оказались чуждыми его мировоззрению, но знакомство с ними не прошло для де Местра бесследно, так как он, по свидетельству исследователей его творчества, перенял у них сам метод мышления, глубоко рационалистический¹⁷.

На протяжении всей своей жизни де Местр оставался убежденным католиком и защитником католической церкви. Будучи человеком очень религиозным, он серьезно занимался богословием, и с течением времени религия все больше выступала для него на первый план.

После того, как войска революционной Франции в 1792 г. занимают Савойю, он оказывается в числе подозрительных лиц и вынужден покинуть страну. С 1793 г. он оказывается в эмиграции. В Швейцарии он знакомится с Малле дю Паном. «Человек, личность и взгляды которого я одинаково уважаю», — напишет о нем де Местр в одном из писем¹⁸. Некоторое время он живет в Лозанне. Независимость его взглядов и критическое отношение к деятельности французских эмигрантов вызывают с их стороны настороженное отношение к нему. Роялисты, жившие рядом с де Местром в Лозанне, даже называли его «якобинцем». Затем он перебирается в Турин, где поступает на службу и исполняет обязанности управляющего канцелярией и начальника верховного королевского суда.

Именно в период эмиграции его взгляды складываются окончательно и он начинает писать. В 1793 г. он выпускает четыре «Письма савойского роялиста своим соратникам», опубликованные при поддержке Малле дю Пана. В 1796 г. выходят его «Размышления о Франции», быстро принесшие ему славу писателя и мыслителя.

Революция, по мнению де Местра, дело Божественного Провидения. То, что она совершилась именно во Франции, не случайно. «У всякого народа, как и у всякой личности, есть своя миссия, которую он должен выполнить»¹⁹. Миссия Франции заключалась в том, что она, как первая страна в Европе, должна была стоять во главе христианского мира Европы и вести его по пути Божьему. Но Франция забыла свой долг. Вместо того чтобы нести идеи христианства, она через своих философов-просветителей распространяла среди европейских народов нечестие, стремление к установлению независимости от Бога. За это она должна понести возмездие.

Революция — это не только кара, но и очищение, именно в этом заключается ее главный смысл.

Де Местр считает, что в революции нет невинно пострадавших. «Невинных жертв меньше, чем нам кажется. Нельзя считать невинными тех, кто разрушал религиозную веру народа, кто с помощью метафизических софизмов посягал на основы государственного строя. И разве не заслуженно гибли на эшафоте ученые, сеятели революционных и безбожных идей? Странно ожидать от Провидения снисхождения к преступнику только потому, что он знатен, знаменит или учен, когда именно в силу учености своей он наиболее и виновен»²⁰.

Крайне резко де Местр рисует картину разложения старого порядка. Монархия, духовенство, дворянство — все одинаково запятнали себя ошибками и преступлениями. Людовик XV своим поведением скомпрометировал королевскую власть в глазах страны, духовенство обмирнилось и забыло о своих обязанностях. Но с особой резкостью он отзывается о дворянстве: «Французская революция имеет главной причиной вырождение дворянства... Роль некоторых дворян во французской революции в тысячу раз ужаснее всех других событий революции. Не было более страшного знамения, поражающего приговора, произнесенного над французской монархией» (р. 131). Де Местр не намерен исключать из числа виновных эмигрантов, крайних роялистов, с ненавистью относящихся к революционерам. Он замечает, что между теми и другими не слишком большая разница, а причины эмиграции гораздо более давнего происхождения, чем сама эмиграция. «У иных дворян в Кобленце на совести более тяжкие упреки, чем у любого дворянина левой в собрании, называвшем себя Учредительным» (р. 132).

Круг виновных велик и не ограничивается только проявившими себя. Все те, кто не желал революции, но, тем не менее, поддержал ее своей пассивностью, тоже виновны и тоже заслуживают наказания. Таким образом, виновным оказывается весь французский народ. Он посягнул на королевскую власть и на самого короля. «Каждая капля крови Людовика XVI будет стоить Франции целых потоков крови; может быть, четыре миллиона французов заплатят своею головой за страшное народное преступление — за противорелигиозный и противообщественный мятеж, увенчанный цареубийством» (р. 26).

Ни в одном событии человеческой истории, по мнению де Местра, Божество не проявляет себя с такой очевидностью, как в революции. Она ясно показывает бессилие человеческой воли. Люди поступают одновременно и по желанию, и по необходимости. Им кажется, что они делают, что хотят, но на самом деле они не могут отойти или, тем более, нарушить общий ход исторического движения. «Революционный поток неся по разным направлениям; и наиболее заметные деятели революции достигали некоторого могущества и известности, только следуя его течению в данный момент. Лишь только они пытались ему воспротивиться или хотя бы просто отойти и стать в стороне, позаботиться о себе, как они тут же исчезали со сцены» (р. 21). Не люди руководят революцией, а революция пользуется людьми в своих собственных целях. Она совершается сама по себе.

Наказание, которое несет революция, уже наступило. Оно выражается в том, что убийцы обратились к взаимоистреблению. Сами того не осознавая, они своими действиями выполняют волю Провидения. От руки самой революции последовательно гибнут все ее деятели. Таким образом, Провидение возлагает на самих революционеров тяжелую миссию наказания и тем самым избавляет короля от необходимости карать. Кара неизбежна и необходима, но если ее будет осуществлять восстановленная королевская власть, то она покроет себя кровью и поставит себя тем самым в совершенно невозможное положение. Тогда все повторится вновь. Если же ограничиться только казнями вождей, справедливость удовлетворена не будет. «И тут мы снова можем дивиться порядку, господствующему в беспорядке. Для всякого, кто хоть немного поразмыслит, очевидно, что главные виновники революции могли пасть только под ударами своих же сообщников» (р. 27). Таким образом, «все порожденные революцией чудовища трудились лишь для королевской власти» (р. 32). После того как они окончательно уничтожат друг друга, придет ее пора. Монархия должна вновь возродиться во Франции незапятнанной, не виновной ни в чем, принеся с собой мир и спокойствие. Поэтому необходимо отказаться от мысли об интервенции: реставрация не может быть совершена внезапно и насильно. Она должна естественно произойти изнутри.

«Господство коалиции над Францией и раздел этого королевства будет одним из величайших зол, которое может постигнуть чело-

вечество, — писал Жозеф де Местр в одном из писем. — Я вижу в разделении Франции начало двух веков резни, неизбежное огрубение человеческого рода и даже смертельную рану для религии»²¹. Он пишет о своем согласии с утверждением Малле дю Пана о том, что французские солдаты не являются палачами эмигрантов, а лишь подданными палачей. «Я не понимаю, как француз может не испытывать известного чувства удовлетворения при виде своей нации одинокой, с толпой недовольных внутри, не только сопротивляющейся Европе, но еще унижающей ее и доставляющей ей много забот. Толпа ветренников хотела бы видеть императора в Париже, чтобы скорее вернуть свои земли; но не следует порицать и тех, кто говорит: я предпочитаю страдать несколько дольше, лишь бы отечество мое не пострадало и не было расчленено...»²²

Эти же идеи де Местр излагает в «Размышлениях о Франции». Успех коалиции означал бы завоевание и раздел Франции, уничтожение ее влияния и ослабление короля. Но если роялисты откажутся от интервенции, если будет заключен мир, то на первый план выйдет внутреннее движение в самой стране. Революцию, по мнению де Местра, убьет мир. Как только он наступит, республиканская форма правления, созданная во время войны, погибнет, поскольку она не коренится в природе французского народа.

Единственной подходящей формой правления для Франции является монархия, она же — лучшая форма правления вообще. Непосредственное народовластие де Местр считает неосуществимым. Все попытки установить его в конечном итоге оборачиваются торжеством анархии и разложением государства. В демократии с народным представительством неизбежен захват власти представителями и насилие большинства над меньшинством. При аристократической форме правления интересы государства приносятся в жертву интересам сословия. Монархия остается самой древней и самой совершенной политической формой. «Монархия — воплощение отечества в одном человеке, в излюбленном и священном носителе и представителе идеи родины»²³.

При монархическом строе, утверждает де Местр, злоупотреблений бывает меньше всего, потому что у монарха меньше всего личных побуждений их совершать. Однако он соглашается, что они все же бывают. Одним из способов избежать их в будущем он считает необходимость создания независимого суда. Это ни в коем случае не означает ограничения ко-

ролевской власти. Король сам не произносит никаких приговоров, судебная власть передается им в руки специальных судей. Король, таким образом, не вмешивается в частные интересы подданных и не дает повода обвинить себя в том, что под видом суда он может совершать насилие. Монарх абсолютен и не может ни с кем делить свою власть, но он осуществляет ее не деспотично, а определенным образом, будучи связан священными законами, издавна присущими данной нации. Эти законы и есть подлинная конституция, с которой должен считаться любой правитель государства, ведь она выражает дух и состояние его народа. Любое нарушение такой конституции опасно и может принести гибель.

Человеческие силы ничтожны по сравнению с силой исторической традиции, утверждает де Местр. Поэтому человек не может создать Конституцию, ее не может сочинить какое-либо собрание. Сами по себе написанные законы не имеют никакой обязательной силы, не могут создать никакого порядка. Только закрепляя существующий ранее неписанный строй они получают какое-то значение. Нельзя дать народу те или иные права и свободы, если их основы не присущи ему с древнейших времен. «Истинная конституция может быть только разрешением задачи — даны: население, нравы, религия, географическое положение, политические отношения, богатства, хорошие и дурные качества известной нации; требуется найти подходящие законы» (р. 84). Все французские конституции, считает де Местр, написаны для «человека», и поэтому не годятся для Франции. «Я видел на своем веку французов, итальянцев, русских, благодаря г. Монтескье я знаю, что можно быть персом, но с человеком я еще не встречался, если он существует, то остается мне неизвестным» (р. 87). Конституция, созданная для всех народов, не годится ни для одного.

Для Франции же вообще ничего сочинять не надо, надо лишь обратиться к тому, что существовало всегда. Дворянство не должно забывать о своем главном назначении: быть опорой трону. Оно лишь орудие монархии, продолжение ее власти. Дворянству предназначено быть исполнителем и истолкователем распоряжений государя, передавать их от центра на места, следить за их распространением и соблюдением повсюду. Поэтому высшее сословие в государстве должно заботиться не о правах, а об исполнении своего долга, и умея распоряжаться, в первую очередь должно уметь повиноваться (р. 102).

Огромное значение для благополучия государства имеет забота о защите религии. Если король заботится о распространении «законного христианства», то он тем самым обеспечивает себе долгое и счастливое царствование.

Реставрация королевской власти во Франции должна стать возвращением к истинному порядку, к вечным ценностям, столь важным для благополучного существования нации. «Восстановление монархии, которое называют «контрреволюцией», вовсе не будет «противоположной революцией», но станет «противоположностью революции»²⁴.

Таким образом, Жозеф де Местр формулирует идею исторического фатализма. Революция является карой Провидения, происходит по определенным законам, и поэтому любое вмешательство извне должно быть отвергнуто. Старый порядок был установлен согласно с Божественным законом, и рано или поздно все вернется к нему, поскольку ничего лучше создать невозможно.

Роялисты, уставшие от бесконечной и безрезультатной борьбы со своим народом, не могли не принять идей Жозефа де Местра. К ним постепенно склонялась значительная часть крайних роялистов, видящих безнадежность войн и заговоров, но по-прежнему желавших восстановления старого режима. Идеи Местра также получили распространение среди сторонников ограничения монархии, не принимавших лишь рассуждения де Местра об абсолютизме. Даже те, кто не разделял религиозных воззрений писателя, верили в неизбежность восстановления монархии в силу необратимых внутренних процессов, происходящих в стране. Терпеливо ждать, когда все само собой образуется, было гораздо удобнее для тех, кто оставался во Франции или мечтал о возвращении туда, ведь это давало возможность спокойно жить при любом режиме, зная, что он обязательно исчезнет, после того как сыграет предназначенную ему историей роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Godechot J. La contre-révolution. Doctrine et action. 1789—1804. Paris, 1961. P. 33—34.

² Copie d'une lettre du comte d'Antraigues au Prince Czartorisky. ЦРГА. Ф. 728. Оп. 2. Д. 127. Л. 6.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Cazales J.-A.-M. Discours et opinions de Cazales. Paris, 1821.

⁵ Ibid.

⁶ Senac de Meilhan G. Des principes et des causes de la Révolution de France. S.-Peterbourg, 1791.

⁷ Ibid. P. 12—18.

⁸ Вайнштейн О.Л. Очерки по истории французской эмиграции. С. 74—77.

⁹ Ferrand A. Le rétablissement de la monarchie française. Bruxelles, 1795.

¹⁰ Mallet du Pan J. Mémoires et correspondances de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française. Paris, 1851. P. 64.

¹¹ См.: D'Andigné L. Mémoires du général d'Andigné. Vol. 1—2. Paris, 1900—1901; Arnault A.-V. Souvenirs d'un sexagenaire. Vol. 1—4. Paris, 1833; Hyde de Neuville J.-G. Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. Paris, 1892.

¹² Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. СПб., 1851. Т. I. С. 3.

¹³ Там же. Т. III. С. 35.

¹⁴ Цит. по: Де Ла-Барт Ф. Шатобриан и Поэтика мировой скорби во Франции. Киев, 1905. С. 182.

¹⁵ Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. Т. III. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Lescure A.-M. Le comte Joseph de Maistre et sa famille. 1753—1852. Paris, 1893. P. 18.

¹⁸ Maistre J., de. Mémoires politique et correspondance diplomatique de J. de Maistre. Paris, 1858. P. 22.

¹⁹ Maistre J., de. Considération sur la France // Oeuvres de Joseph de Maistre. Vol. I—VII. Bruxelles, 1838. Vol. VII. P. 17. Перевод на русский — Е. П.

²⁰ Ibid. P. 53. Далее в тексте работа цитируется в переводе автора статьи со ссылками в скобках на страницы произведения.

²¹ Maistre J., de. Mémoires politique et correspondance diplomatique. P. 34.

²² Ibid. P. 28.

²³ Maistre J., de. Considération sur la France. P. 122.

²⁴ Ibid. P. 166.